

Научная статья

УДК 343.13

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).459-467

EDN ZMAUBI

Генезис института выдачи лиц, совершивших преступления, в дореволюционной России

Ираида Вячеславовна Смолькова*Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия**SmolkovaIV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3146-935X>*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема, связанная с возникновением, становлением и развитием российского законодательства, регулировавшего институт выдачи лиц, совершивших преступления. Анализируются разные точки зрения относительно первоначального документа, с которого начинается отсчет установления выдачи лиц, совершивших преступления, в Древней Руси. Автор не соглашается со сложившейся в литературе традиционной позицией о начальном моменте возникновения выдачи лиц, совершивших преступления, с договора 911 года «О мире и дружбе», заключенного киевским князем Олегом с Византией. Относить этот договор к экстрадиционным нет достаточных оснований, поскольку в нем речь идет о принудительном возвращении самим кредитором своего должника, т.е. об исполнении должником обязательства имущественного характера. Подвергаются критике и точки зрения о появлении законодательных актов, посвященных выдаче лиц, совершивших преступления, до начала XIX века. Обосновывается позиция о возникновении законодательной основы выдачи лиц, совершивших преступления, в России в конце XVIII — начале XIX века. Дается характеристика первых российских законов, в которых были заложены правовые основы института выдачи лиц, совершивших преступления (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 и 1903 годов, Закон Российской Империи 1911 года «О выдаче преступников по требованию иностранных государств»). Анализируются принципы, основания и условия выдачи, установленные в этих законах. Отмечается особая роль Закона 1911 года в формировании серьезной нормативной базы для действия института выдачи лиц, совершивших преступления. Тщательность его юридической проработки обеспечила ему полное соответствие европейскому уровню экстрадиционной практики начала XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

выдача лиц, совершивших преступления; договор; конвенция; экстрадиция; политические преступления

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Смолькова И.В. Генезис института выдачи лиц, совершивших преступления, в дореволюционной России / И.В. Смолькова. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).459-467. — EDN ZMAUBI // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 3. — С. 459–467.

Original article

Genesis of the extradition institute of persons committed crimes in pre-revolutionary Russia

Iraida V. Smolkova*Baikal State University, Irkutsk, Russia**SmolkovaIV@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3146-935X>*

ABSTRACT

The article examines the problem associated with the emergence, formation and development of Russian legislation that regulated the institution of extradition of persons who have committed crimes. Different points of view are analyzed regarding the original document, which is the starting point to establish the extradition of persons who have committed crimes in Ancient Russia. The author does not agree with the traditional view in the literature about the initial moment of the extradition of persons who committed a crime from the agreement of 911 year “On Peace and Friendship”, concluded by the Kiev prince Oleg with Byzantium. There are no sufficient grounds to classify this agreement as extradition, since it refers to the compulsory return by the creditor himself of his debtor, i.e. about the fulfillment by the debtor of a property obligation. The points of view on the emergence of legislative acts about the extradition of persons who committed crimes until the beginning of the 19th century are also criticized. The author substantiates the position on the emergence of a legislative basis for the extradition of persons who have committed crimes in Russia at the end of the 18th — beginning

© Смолькова И.В., 2024

of the 19th centuries. The characteristics of the first Russian laws are given which had the legal foundations for the institution of extradition of persons who have committed crimes (the Criminal and Correctional Penalties Code of 1845 and 1903, the Law of the Russian Empire of 1911 “On Extradition of Criminals at the Request of Foreign States”). The principles, grounds and conditions of extradition established in these laws are analyzed. The special role of the Law of 1911 in the formation of a serious regulatory basis for the institution of extradition of persons who have committed crimes is noted. The thoroughness of its legal elaboration ensured that it fully complied with the European level of extradition practice of the early twentieth century.

KEYWORDS

extradition of persons committed crimes; treaty; convention; extradition; political crimes

FOR CITATION

Smolkova I.V. Genesis of the extradition institute of persons committed crimes in pre-revolutionary Russia. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*. 2024;25(3):459–467. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(3).459-467. EDN: ZMAUBI.

Введение

Выдача лиц, совершивших преступления (далее – выдача) – один из старейших и важнейших институтов международного права, эффективных инструментов в борьбе с преступностью на межгосударственном уровне, позволяющим объединить усилия двух или нескольких государств, всего международного сообщества. В странах Европы выдача получила свое первоначальное нормативное оформление, начиная с XIII века, в дореволюционной России этот процесс развивался достаточно медленно и противоречиво. В первую очередь это было обусловлено неразвитостью международно-правовых отношений России с другими странами. Вместе с тем некоторые предвестники будущего института выдачи имели место в различных договорах и уставных грамотах русских князей уже в XIII–XIV веке. В определенной степени медленное развитие института выдачи было обусловлено спецификой исторического развития государственно-правовой системы России, поскольку ее обособление в формате государственности произошло значительно позднее, чем в европейских странах. Становление российской государственности началось приблизительно с последней четверти IX века, что соответствовало раннему западноевропейскому средневековью. Однако с XVIII века процесс законодательного регулирования института выдачи в России начал бурно развиваться, во многих вопросах выдачи опередив многие европейские страны.

Результаты исследования

Вопрос о правовой первооснове института выдачи лиц, совершивших преступления, для уголовного преследования в России в юридической литературе решается неоднозначно. Высказывается несколько позиций по данному вопросу. Большинство ученых как дореволюционного, советского, так и современного периодов времени сходятся во мнении, что первоисточни-

ком появления норм о выдаче в России является русско-византийский договор 911 года «О мире и дружбе»¹ (далее – Договор 911 года), заключенный киевским князем Олегом с Византией, и в первую очередь положения статьи 14 этого договора [1, с. 15; 2, с. 210; 3, с. 31]. До настоящего времени это мнение является традиционным, на его основе делается вывод о довольно раннем возникновении правового источника, с которого начинается отсчет появления российских норм о выдаче.

Однако еще в XIX веке по данному вопросу высказывалась и другая точка зрения. Э.К. Симсон полагал, что, несмотря на межгосударственный характер установленных в этом договоре обязательств, он не содержал никаких положений о выдаче [4, с. 92]. Д. Никольский считал, что «в эпоху удельно-вечевую выдача была немыслима» [5, с. 83].

Ф.Ф. Мартенс, хотя и признал наличие в статье 14 Договора 911 года первой в истории России нормы о выдаче, одновременно отметил, что на этом все и закончилось: в вопросах выдачи на территории России наступил «мертвый сезон» – ни одного случая выдачи в этот период вообще не было [6, с. 396].

В настоящее время позицию об экстрадиционном² характере статьи 14 Договора 911 года оспаривает и, соответственно, ставит под сомнение вопрос о раннем появлении на Руси актов о выдаче историк права К.С. Родионов, который по данному поводу пишет, что в ней «речь идет не о выдаче как международно-правовом инсти-

¹ Договоры Руси с Византией, заключенные в X веке. URL: <https://f-ipsu.udsu.ru>files/assets/1>. (дата обращения: 20.05.2024).

² В статье термины «выдача» и «экстрадиция» используются в качестве синонимов. Экстрадиция (лат.) означает выдачу иностранному государству лиц, совершивших преступления, для уголовного преследования [7, с. 706]. В российском законодательстве использовался и используется в настоящее время термин «выдача» в этом же значении.

туте, а о древнем обычае — личных репрессалиях, выражавшихся в принудительном возвращении самим кредитором своего должника и доставлении его собственными силами и средствами в суд для взыскания с него долга, т.е. об исполнении должником обязательства имущественного характера» [8, с. 85]. По его мнению, «исторические памятники нашей страны эпохи древнего мира не содержат никаких доказательств существования практики договоров о выдаче хотя бы в виде единичных фактов» [9, с. 32].

Солидаризируясь с ним, О.Е. Голыбина дополняет, что инициатива заключения и авторство Договора 911 года принадлежали Византии; он был написан на греческом языке с использованием греческих понятий, аналогов которых в то время не было у славян в силу различного уровня государственного, экономического и культурного развития Византии и Киевской Руси [10, с. 109].

Следует заметить, что в трех разных дошедших до нашего времени сохранившихся переводах текста Договора 911 года использована различная терминология, речь в них идет: о «различных ходящих во Греки и удолжающих», о «русских торгующих», но не о лицах, совершивших какие-либо преступления, что, думается, не дает оснований считать статью 14 Договора 911 года нормой о выдаче.

А.И. Гончаренко справедливо замечает, что статья 14 Договора 911 года может быть оценена только в качестве своеобразного предшественника института выдачи, находившегося у истоков его правового регулирования на Руси. Кроме того, она отмечает, что и в последующих договорах, заключенных киевскими князьями Игорем (945 год) и Святославом (971 год) с Византией, также ни о какой выдаче преступников речи не шло, а по своему содержанию они являлись политическими соглашениями между Русью и Византией [11, с. 96].

Серьезные исторические изыскания в части исследования Договора 911 года, (а также Договоров 945 и 971 годов), проведенные указанными авторами, вполне убеждают нас в том, что относить их к экстрадиционным нет достаточных оснований. Следовательно, нормы о выдаче появились в России гораздо позднее.

Первые и всего лишь предвестники положений о выдаче появились в договорах между городами-торговыми партнерами (немецкими прибалтийскими городами Готландом, Ригой и ближайшими к Балтийскому морю городами Новгородом и Смоленском). Например, в Дого-

воре Смоленска с Ригой и Готландом 1230 года содержалось обязательство сторон выдавать убийц, а если они не были найдены — выплачивать компенсацию за убитого. В грамоте Новгорода Риге 1303 года имело место требование выдачи разбойников, ограбивших русских купцов [12, с. 85–88].

Договор Новгорода с ганзейскими городами 1392 года обязывал новгородцев найти и выдать «тата, учинившего пакость» в немецкой церкви в Новгороде, другая сторона, в свою очередь, обязывалась выдать разбойников, ограбивших «Матфеева сына и его друзей» [12, с. 451–453].

В феодальную эпоху некоторые русские княжества, представлявшие практически самостоятельные государства, составляли разного рода духовные уставные грамоты, в которых уже можно обнаружить записи, имевшие некоторое отношение к выдаче (например, Уставная грамота Великого князя Василия Васильевича Королю Польскому и Великому князю Литовскому Казимиру 1449 года) [13, с. 160–163]. Однако в этот период времени «сношения России с иностранными государствами носили отрывочный и случайный характер» и никаких системных документов о выдаче не было [5, с. 82].

Некоторые юристы первым официальным международным договором России, предусматривающим выдачу, считают Договорную запись между Россией и Швецией «О выдаче перебежчиков» от 19 октября 1649 года³, полагая, что история сношений России с другими государствами по вопросу о выдаче началась именно с этого документа [14, с. 29–30; 15, с. 313; 16, с. 14].

С такой позицией не соглашался Ф.Ф. Мартенс, отметив, что перебежчики вовсе не были преступниками, а «государства желали возвратить их к себе, опасаясь за убыль населения» [6, с. 384].

Дальнейшее развитие положения Договорной записи 1649 года получили в Договоре от 1 июля 1661 года «О вечном мире между Россией и Швецией» (Кардисский мир)⁴, статья 21 которого устанавливала, что просьба о выдаче преступников должна исполняться по первому требованию, «причем все равно, будут ли преступники перебежчиками» или «без причины» ушедшими».

³ Русско-шведские войны и миры в XVII в. URL: <https://kirjash.spb.ru/biblio/pohleb/pohleb/5/htm>. (дата обращения: 20.05.2024). URL: https://Vostit.info/text/Documenty/Scandinav/Sweden/Russ_swed_ek_17/121-140/136/phtml?id=3578 (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ URL: https://Vostit.info/text/Documenty/Scandinav/Sweden/Russ_swed_ek_17/121-140/136/phtml?id=3578. (дата обращения: 20.05.2024).

Именно этот Договор отдельные авторы считают первоначалом возникновения выдачи [17, с. 5].

Нормы, напоминающие выдачу, имели место и в других документах. Россия и Китай на основе Нерчинского договора (трактата) от 27 августа 1689 года⁵ заключили соглашение, согласно которому Россия обязывалась выдавать Китаю китайских перебежчиков, а Китай — русских. Предметом данного договора являлась выдача не общеуголовных преступников, а лиц, признаваемых в своих государствах политическими преступниками только потому, что они добровольно не желали возвращаться в свое отечество [6, с. 386].

По мнению Д. Никольского, до XIX века вообще не могло быть и речи о праве выдачи, имели место лишь отдельные факты выдачи, но возникали они из случайных обстоятельств [5, с. 80].

8 ноября 1810 года Россия подписала Акт разграничения между Россией и Швецией⁶, в котором перечислялись преступления, за совершение которых могла последовать выдача: убийство, поджог, разбой и воровство. Собственные подданные по данному акту не выдавались, но «наказывались отечеством настолько же строго, как если бы против него самого (отечества) провинились». Вот именно с этого акта, думается, уже можно вести речь о договорах экстрадиционного характера.

17 марта 1830 года между Россией и Пруссией была подписана Картельная Конвенция [18, pp. 111–143], которая определяла выдачу любого лица, за исключением собственных подданных, совершивших уголовное преступление, или подозреваемых в его совершении. В основном тексте Конвенции нормы о выдаче политических преступников не было, но в прилагаемой к ней Секретной декларации указывалось: «Россия и Пруссия будут уважать требования о выдаче за совершение преступлений политического характера и рассматривать вопрос о выдаче применительно к каждому случаю».

Позднее Россия подписала Манифест от 6 февраля 1834 года «О взаимной выдаче государственных преступников вследствие заключенного условия с Австрией и Пруссией»⁷. В нем установ-

ливалось: «Никто из оказавшихся в областях одной из трех держав ... виновных в государственной измене, оскорблении Величества, вооруженном бунте или же злоумышлявших против престола и правительства, не будет иметь защиты, ни убежища в областях двух других держав. Все три державы, напротив того, обязуются выдавать немедленно всякого, изобличенного в вышеозначенных преступлениях, коль скоро потребован будет правительством, которому он принадлежит».

15 августа 1845 года в России было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных⁸ (далее — Уложение), на основании которого стали решаться вопросы выдачи как иностранных граждан, так и российских подданных, совершивших преступления.

В соответствии со статьей 178 Уложения если иностранный подданный был «изобличен или подозреваем в содеянии вне пределов государства такого преступления, которым он посягал на основы Державной власти в России, или на права одного или нескольких Российских подданных, и будет потом открыт и задержан в пределах Империи, или же правительством того края, где им учинено сие преступление, или тем, у коего он в подданстве, передан для суждения в России, то и он вполне подлежит действию постановлений сего Уложения».

В примечании к статье 178 Уложения был предусмотрен упрощенный порядок для выдачи китайских и российских подданных: «китайцы, учинившие преступление на Российской стороне границы, выдаются их правительству, так же, как и Российские подданные, учинившие преступление в пограничных Китайским владениям, выдаются для суждения правительству Российскому».

Действие законов Российской Империи распространялось и на ее подданных при совершении ими преступлений за границей, но возвратившихся в отечество или выданных государством места совершения преступления. Статья 179 Уложения предусматривала: «Российские подданные, находившиеся вне пределов государства и там или прежде отбытия за границу учинившие преступление против прав Державной власти своего Отечества или целости, безопасности или благосостояния Российской Империи или же в нарушение прав одного или нескольких из соотечественников своих, подлежат действию постановлений Уложения, и по выдаче или возвращении в Россию, на основании приговора, предписанным порядком над

⁵ URL: https://Vostit.info>Text/Documenty/China/XVII/1680_1700/Nerc_dogovor/text.htm (дата обращения: 20.05.2024).

⁶ Полное название документа: Акт разграничения между его Величеством Императором Всероссийским и его Величеством Королем Шведским, заключенным в Торнео 8 ноября 1810 года. URL: <https://prlib.ru/item/712072>

⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. В 55 т. Т. IX. Отделение первое. Санкт-Петербург, 1835. № 1870. С. 108.

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных : принято 15 авг. 1845 г. Санкт-Петербург, 1845. 898 с.

ними произнесенного, подвергаются наказани-ям, сими постановлениями положенным». Эта же статья устанавливала уголовную ответственность русских подданных, совершивших указанные преступления и бежавших за границу, подлежа-щих выдаче «как по трактатам, так и без них, на основании взаимности».

Данные нормы закрепили материально-пра-вовые основы выдачи лиц, совершивших престу-пления.

В Тянь-Цзинском трактате, заключенном между Россией и Китаем 1 июня 1858 года⁹, была предусмотрена взаимная выдача преступников, совершивших тяжкие преступления (убийства, грабежи с нанесением опасных ранений, умыш-ленные поджоги и др.).

Принятый 20 ноября 1864 года Устав уголов-ного судопроизводства Российской Империи¹⁰ (далее – УУС), уже содержал нормы, регламен-тировавшие общие начала, поводы, основания и порядок сношений с иностранными государ-ствами по вопросам выдачи.

Согласно статье 850 УУС процедура выдачи могла иметь место только при наличии соответ-ствующего международного договора (трактата). УУС стал основой для формирования правовой базы для международного сотрудничества Рос-сии в сфере уголовного судопроизводства, в том числе и по вопросам выдачи, предопределив на долгие годы ее развитие в этом направлении.

Н.А. Таганцев в этой связи отметил, что толь-ко после издания судебных уставов, «водворив-ших полное доверие в иностранных государствах к правильному отправлению правосудия в Рос-сии, наше правительство стало заключать специ-альные конвенции о выдаче» [15, с. 313–314].

Благодаря судебной реформе 1864 года прак-тика России в сфере выдачи довольно быстро до-стигает мирового уровня. Нормы о выдаче фор-мируются и обособляются в самостоятельный институт. Д. Никольский по данному поводу писал, что в этот период «выработалась отдель-ная ветвь международного права, специально посвященная учению о выдаче» [5, с. 43]. Хотя, как отмечал Ф.Ф. Мартенс, характеризуя между-народную практику этого времени, выдача пре-ступников в собственном смысле была явлением исключительным, в основном договоры заклю-

чались против политических заговорщиков и бе-глых военных (дезертиров) [6, с. 389].

По большинству конвенций, заключен-ных Россией (до 1914 года ею было заключено 80 международных конвенций), нельзя было тре-бовать выдачи за политические преступления. Вопрос о выдаче политических преступников не-однозначно решался в юридической литературе того времени. Большинство юристов вообще не допускало такую выдачу. Г.Е. Колоколов считал, что «политические преступники ни в каком слу-чае выдаче не подлежат» [19, с. 89, 90]. Сторон-ник противоположной позиции И.К. Блюнчли допускал выдачу политических преступников, но только в том случае, если государства, заин-тересованные в выдаче, имеют практически оди-наковые юридические учреждения, в частности, систему уголовной юстиции, и совпадающие уголовно-правовые понятия [20, с. 15].

Следует отметить, что в данный период вре-мени к «политическим» не относились престу-пления против «особ иностранного государя или членов его семейства». Покушение на жизнь мо-нарха или членов его дома рассматривалось как общеуголовное преступление, за совершение ко-торого выдача была предусмотрена.

Наибольшей активности сотрудничество Рос-сии с другими странами по вопросам выдачи до-стигло во второй половине XIX века, а к концу XIX века в России уже была создана достаточно серьезная законодательная база института выдачи.

Россия довольно быстро смогла ликвидиро-вать отставание от европейского процесса раз-вития экстрадиции, заключив договоры о вы-даче практически со всеми странами Западной Европы: Швецией (1860 год), Данией (1866), Нидерландами (1868), Италией (1871), Пруссии (1872), Швейцарией (1873), Германией (1879), Великобританией (1886), Североамериканскими Соединенными Штатами (1887), Японией (1911) и др. В целом же с 1866 по 1911 годы Россия за-ключила 24 двусторонних соглашения о взаим-ной выдаче [21, с. 81].

Заключенные международные договоры о выдаче России с иностранными государства-ми касались вопросов выдачи лиц, которые со-вершили преступление, но еще не понесли нака-зание, а также тех, которые уже были осуждены судами [22, с. 155]. Выдаче подлежали только иностранные подданные и лица без подданства, которые находились на территории России.

Именно в этот период проявляется большой интерес к институту выдачи со стороны россий-ских ученых-правоведов: одна за другой были

⁹ URL: https://Wostlit.info/Text/Document/China/XVII/Rus_kit_dog_prav_act/1-20/13/htm (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с рассуждени-ями, на коих они основаны. В 4 ч. Санкт-Петербург, 1867. Ч. 2. 523 с.

опубликованы четыре монографии, посвященные вопросам выдачи, — А.Н. Штиглица (1882 год) [23], Е.А. Шостака (1882) [17], Д.П. Никольского (1884) [5], Э.К. Симсона (1892) [4]. К ним следует добавить и монографию Ф.Ф. Мартенса (1883) [6], которая, хотя и была посвящена проблемам уголовного права, однако ее значительная по объему глава была посвящена именно выдаче. Один из первых исследователей института выдачи А. Штиглиц объяснял (по его выражению, «возбужденный») всплеск научного интереса к нему активностью, с какой Россия за короткое время заключила около двух десятков договоров о выдаче почти со всеми государствами Европы и с США [23, с. 82].

В большинство заключенных Россией соглашений были включены следующие условия невыдачи иностранцев за совершенные ими преступления:

— если выдача требовалась по поводу того же преступления или проступка, за которое требуемое лицо несет или уже понесло наказание, либо по которому оно было оправдано или освобождено от суда в той стране, от которой требовалась выдача;

— если прошел срок давности привлечения к уголовной ответственности за данное преступление по законам той страны, от которой требовалась выдача;

— если преступление носило политический характер, при этом оговаривалось исключение: в отношении преступников, совершивших покушение на государя или членов его семьи [22, с. 158].

Конвенции, подписанные Россией после 1883 года, предусматривали значительное расширение перечня составов преступлений, при совершении которых могла последовать выдача (до 20–25 видов преступлений; в то время как предшествующие соглашения содержали в среднем перечень из 10–14 преступлений).

В период с 1886 по 1895 годы Россия выдала разным иностранным государствам 367 человек (в среднем по 35–40 человек в год) за совершение таких преступлений, как: убийство (12 человек), кража (89), грабеж (9), разбой (9), подлог (35) и др. [21, с. 82]. Необходимо отметить, что, помимо выдачи на договорных основах, Россия осуществляла выдачу и на началах взаимности.

Накопленный международный опыт сотрудничества России с различными государствами по вопросам выдачи в дальнейшем нашел отражение в новом Уголовном Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (утверждено Николаем II 22 марта 1903 года) [24, с. 183–310] (далее — Уголовное Уложение).

В Объяснительной записке к Проекту Уголовного Уложения относительно выдачи отмечалось: «юридическое основание права и обязанности выдачи коренится в принципе солидарности государств относительно совместной защиты против деяний, колеблющихся юридический порядок, составляющий как бы общее благо всех культурных народов. Эта обязанность взаимной помощи не только включает в себе интерес общегосударственный, но и представляет несомненную выгоду для всякого отдельного государства, обеспечивая за ним взаимность других держав и являясь средством защиты против лиц, проявивших опасную для общественного порядка деятельность. В этом последнем отношении выдача частью пополняет, частью заменяет суд и наказание по нашим законам за деяния, совершенные иностранцами за пределами России. Замена судебного разбирательства в России выдачей представляет ту выгоду, что доказательства виновности будут рассматриваться на самом месте совершения преступного деяния, где собиране таких доказательств, как уличающих, так и оправдывающих виновного, представляется более легким и где, следовательно, более гарантируется справедливость приговора» [25, с. 312].

В соответствии со статьей 13 Уголовного Уложения если иностранный гражданин за учиненное преступное деяние в России не был осужден, оправдан или освобожден от наказания в установленном порядке, то подлежал выдаче согласно договору, заключенному с государством, требующим его выдачи, а при отсутствии договора выдача могла производиться на началах «установившейся в этом отношении с сим государством взаимности».

Особо важным событием в истории развития отечественного законодательства о выдаче явилось принятие 19 марта 1911 года Закона Российской Империи «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств»¹¹ (далее — Закон 1911 года), вступивший в действие с 1 января 1912 года. После его принятия Россия оказалась в числе немногих государств, имевших такой специализированный закон.

К.С. Родионов, оценивая значимость Закона 1911 года, отмечает, что его «можно смело отнести к числу весьма удачных. По своим достоинствам его нормы не уступают, а, может быть, и превосходят нормы наших законов и договоров, образующих сегодня правовую базу Российской Федерации по вопросам экстрадиции. Тщательность его

¹¹ Собрание узаконений Российской Империи. 1912. 6 янв. Отд. 1. Ст. 41.

юридической проработки обеспечила ему уже тогда полное соответствие европейскому уровню экстрадиционной практики начала XX в.» [21, с. 80].

Закон 1911 года обобщил накопленный опыт России в вопросах выдачи, рассредоточенный в различных договорах с другими государствами. Он содержал 25 статей и по установившемуся в то время порядку был включен в УУС в качестве самостоятельной главы 12 «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств».

Закон 1911 года содержал общие положения, составлявшие неотъемлемую часть договоров о выдаче; определял правовую базу выдачи; перечислял деяния, совершение которых могло стать причиной выдачи; условия и принципы выдачи.

В Законе 1911 года отсутствовало определение выдачи, однако указывались ее условия: поступившая в Россию просьба о выдаче, как и направленная ею за границу аналогичная просьба, могла быть удовлетворена только в том случае, если речь шла о деянии, которое имелось в уголовном законе обоих государств; наличие договора между Россией и другим государством, требующим выдачи, или «установившейся в этом отношении с сим государством взаимности».

Выдаче мог быть подвержен только «иностранец, учинивший вне пределов России преступное деяние, влекущее за собою по уголовным законам как Российской Империи, так и государства, требующего выдачи, наказание не ниже заключения в тюрьме» (статья 1). Согласно статье 3 Закона 1911 года выдача русского подданного не допускалась.

К преступлениям, влекущим выдачу, были отнесены не только общеуголовные преступления, но и политические, предусмотренные договором.

В Законе 1911 года были указаны основания отказа в выдаче: 1) когда выдача была затребована по поводу того же самого преступного деяния, за которое лицо в России было осуждено, оправдано или освобождено от наказания в установленном порядке (пункт 1 статьи 25); 2) когда установленные действующим в России уголовным законом сроки давности судебного преследования, осуждения или наказания истекли до получения требования о выдаче (пункт 2 статьи 25); 3) когда выдача требуется по поводу того же самого преступного деяния, за которое против лица возбуждено уголовное преследование в России (пункт 2 статьи 25). Все основания отказа в выдаче носили императивный характер.

Таким образом, анализ Закона 1911 года позволяет сделать вывод о том, что он полностью соответствовал экстрадиционной международной

практике того периода времени. По своему характеру он носил прогрессивный характер, закреплял многие общепризнанные принципы выдачи (двойной подсудности, невыдачи собственных граждан). Закон 1911 года можно смело отнести к числу прогрессивных законов, обладавших высоким уровнем юридической техники для своего времени. Вместе с тем отрицательным моментом Закона 1911 года было закрепление выдачи лиц, преследовавшихся за политическую деятельность.

К сожалению, Закон 1911 года действовал совсем недолго. Летом 1914 года началась Первая мировая война, в условиях которой, а затем и по ее окончании, он оказался не востребовавшимся, а вскоре и вовсе ненужным. Последние договоры о выдаче были заключены Россией в 1911 году с Болгарией и Японией.

Несмотря на более позднее вступление в международные отношения, Россия в формировании международно-правовой базы взаимной помощи по уголовным делам того времени намного опередила многие государства мира, большинство заключенных ею конвенций о взаимной выдаче содержало нормы об оказании такой помощи, а аналогичные договоры других стран — нет.

Выводы

Резюмируя изложенное, следует отметить, что первые «ростки» выдачи стали появляться в русском праве в XIII веке. Однако в эти времена она больше напоминала высылку за деяния имущественного характера (выдача разбойников и «татей», посягнувших на право собственности).

В современном понимании институт выдачи лиц, совершивших преступления, начал формироваться в России в конце XVIII — начале XIX века.

В законодательстве и международных договорах России раньше многих стран были определены основы института правовой помощи по уголовным делам, институт выдачи лиц, совершивших преступления, развивался соответственно мировым тенденциям.

Дореволюционная Россия XIX — начала XX века обладала достаточно развитой правовой системой регулирования выдачи лиц, совершивших преступления. В этот период происходит становление новой характерной черты института выдачи: он не только служит борьбе государств против преступности, но утверждаются важнейшие его принципы — невыдача собственных граждан, принцип двойной криминальности.

Закон Российской Империи 1911 года обобщил накопленный опыт России в вопросах выдачи, рассредоточенный в заключенных ею ранее

договорах с другими государствами. Тщательность его юридической проработки обеспечила ему полное соответствие европейскому уровню экстрадиционной практики начала XX века.

Правовое регулирование института выдачи в дореволюционной России XIX — начала XX века отличалось достаточно высоким уровнем

законодательной техники и системностью. Многие положения, выработанные в этот период относительно выдачи, выдержали испытание временем, доказали свою устойчивость, действуют и в XXI веке в современном российском законодательстве (невыдача собственных граждан, невыдача по политическим мотивам).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. (Некоторые вопросы теории и практики) / Р.М. Валеев. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1976. — 126 с.
2. Лукашук И.И. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве : учеб.-практ. пособие / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. — Москва : Российский юрид. издат. дом, 1998. — 160 с.
3. Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе / В.М. Волженкина. — Москва : Юрлитинформ, 2002. — 336 с.
4. Симсон Э.К. О невыдаче собственных поданных. Международно-правовое исследование / Э.К. Симсон. — Санкт-Петербург : Типография Р. Голике, 1892. — 430 с.
5. Никольский Д. О выдаче преступников по началам международного права / Д. Никольский. — Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1884. — 559 с.
6. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / Ф.Ф. Мартенс; под ред. Л.Н. Шестакова. — Санкт-Петербург : Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1883. — Т. 2. — 586 с.
7. Ланда Н.М. Современный словарь иностранных слов / Н.М. Ланда. — Санкт-Петербург : Дуэт, Комета, 1994. — 740 с.
8. Родионов К.С. Была ли в Договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче? / К.С. Родионов. — EDN HUBPMT // Государство и право. — 2006. — № 3. — С. 75–85.
9. Голыбина О.В. История международно-правовых отношений России по вопросам выдачи в период X — начала XVI вв. / О.В. Голыбина. — EDN NQVXSD // Государство и право. — 2011. — № 1. — С. 107–111.
10. Гончаренко А.И. К вопросу о первоисточнике института экстрадиции в России / А.И. Гончаренко. — EDN TA1YJJ // Общество и право. — 2014. — № 4 (50). — С. 94–96.
11. Родионов К.С. Из истории экстрадиции в России / К.С. Родионов. — EDN PYCKWV // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 3 (58). — С. 23–32.
12. Напьерский К.Е. Русско-ливонские акты / К.Е. Напьерский. — Санкт-Петербург : Изд-во Археографической комиссии, 1868. — 484 с.
13. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI в. / отв. ред. С.В. Бахрушин. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — 585 с.
14. Чепель А.И. Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: от Столбовского до Кадисского мира / А.И. Чепель. — EDN OGH1HT // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 4 (26). — С. 29–41.
15. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая : в 2 вып. / Н.С. Таганцев. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1887. — Вып. 1. — 478 с.
16. Бойцов А.И. Выдача преступников / А.И. Бойцов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 795 с.
17. Шостак Е.Я. О выдаче преступников по договорам России с иностранными державами / Е.Я. Шостак. — Киев : Универсальная типография И.И. Завадского, 1882. — 50 с.
18. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами : в 15 т. / сост. Ф.Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург, 1888. — Т. VI. Трактаты с Германией. — 456 с.
19. Колоколов Г.Е. Уголовное право. Курс лекций проф. Колоколова, чит. в 1894–1895 году / Г.Е. Колоколов. — Москва : Изд-во Рихтер, 1895. — 616 с.
20. Вербловский Г.Л. О взаимной выдаче преступников и дезертиров / Г.Л. Вербловский // Юридический вестник. — 1868. — Кн. 7. — С. 3–50.
21. Родионов К.С. Закон Российской Империи 1911 г. об экстрадиции / К.С. Родионов. — EDN OPUVUJ // Государство и право. — 2003. — № 7. — С. 80–91.
22. Тесленко А.М. Выдача иностранцев в России (II половина XIX — начало XX в.) / А.М. Тесленко. — EDN EQOJCF // Российский юридический журнал. — 2000. — № 3. — С. 155–160.
23. Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников / А. Штиглиц. — Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1882. — 239 с.
24. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — Москва, 1988. — Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. — С. 183–310.
25. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции : часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. — Т. 1. — 815 с.

REFERENCES

1. Valeev R.M. *Extradition of criminals in modern international law. (Some questions of theory and practice)*. Kazan Federal University Publ., 1976. 126 p.
2. Lukashuk I.I., Naumov A.V. *Extradition of accused and convicted persons in international criminal law*. Moscow, Russian Legal Publishing House, 1998. 160 p.
3. Volzhenkina V.M. *Extradition in Russian criminal proceedings*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2002. 336 p.
4. Simson Eh.K. *On the non-extradition of the own country's subjects. International legal research*. Saint Petersburg, Printing house of R. Golike, Publ., 1892. 430 p.
5. Nikol'skii D. *On the extradition of criminals according to the principles of international law*. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevicha Publ., 1884. 559 p.
6. Martens F.F. *Modern international law of civilized peoples*. Saint Petersburg, Ministerstvo putei soobshcheniya A. Benke Publ., 1883. Vol. 2. 586 p.
7. Landa N.M. *Modern dictionary of foreign words*. Saint Petersburg, Dueht, Kometa Publ., 1994. 740 p.
8. Rodionov K.S. Was There in the Treaty of 911 Between Kievskaya Russia and Vizantiya the Norm on Extradition? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 3, pp. 75–85. (In Russian). EDN: HUBPMT.
9. Golybina O.V. The History of the International Legal Relations of Russia on the Question Extradition in X – The Beginning of XVI Centuries. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2011, no. 1, pp. 107–111. (In Russian). EDN: NQVXSD.
10. Goncharenko A.I. To the Question of the Primary Source of the Institute of Extradition in Russia. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 4, pp. 94–96. (In Russian). EDN: TAIYJJ.
11. Rodionov K.S. From the History of Extradition in Russia. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2013, no. 3, pp. 23–32. (In Russian). EDN: PYCKWV.
12. Nap'erskii K.E. *Russian-Livonian acts*. Saint Petersburg, Arkheograficheskoi komissii Publ., 1868. 484 p.
13. Bakhrushin S.V. (ed.). *Spiritual and contractual letters of the Grand and Specific Princes XIV-XVI in*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 585 p.
14. Chepel A.I. Defectors Issue in Russian-Swedish Relations: From Stolbovo Peace Treaty to Kardis (Based on the Archives of Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science). *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of History, Philology and Culture*, 2009, no. 4, pp. 29–41. (In Russian). EDN: OGHLHT.
15. Tagantsev N.S. *Lectures on Russian criminal law*. Saint Petersburg, State Printing House, Publ., 1887. Iss. 1. 478 p.
16. Boitsov A.I. *Extradition of criminals*. Saint Petersburg, Legal Center Press, Publ., 2004. 795 p.
17. Shostak E.Ya. *On the extradition of criminals under contracts between Russia and foreign powers*. Kiev, Universal printing house of I.I. Zavadsky, Publ., 1882. 50 p.
18. Martens F.F. (ed.). *Collection of Treaties and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers*. Saint Petersburg, 1888. Vol. VI. 456 p.
19. Kolokolov G.E. *Criminal law. Course of lectures prof. Kolokolova, cheat. in 1894-1895*. Moscow, Rikhter Publ., 1895. 616 p.
20. Verblolvskii G.L. On mutual extradition of criminals and deserters. *Legal Bulletin*. 1968. Book 7. P. 3–50.
21. Rodionov K.S. The Law of Russian Empire 1911 on Extradition. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2003, no. 7, pp. 80–91. (In Russian). EDN: OPUVUJ.
22. Teslenko A.M. Extradition of foreigners in Russia (II half of the XIX – beginning of the XX century). *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2000, no. 3, pp. 155–160. (In Russian). EDN EQOJCF.
23. Shtiglits A. *Study on extradition of criminals*. Saint Petersburg, Printing house of the Pantelev brothers, Publ., 1882. 239 p.
24. Chistyakova O.I. (ed.). *Russian legislation of the X-XX centuries*. Moscow, 1988. Vol. 6. P. 183–310.
25. Tagantsev N.S. *Russian criminal law*. 2nd ed. Saint Petersburg, 1902. Vol. 1. 815 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ираида Вячеславовна Смолькова — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iraida V. Smolkova — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Institute of Justice. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.

Поступила в редакцию / Received 19.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 10.09.2024

Принята к публикации / Accepted 26.09.2024